

«Вотъ будь тутъ мамаша, она бы не покраснѣла за своего Николиньку», думалъ герой нашъ въ это время... Но «папа» рѣшительно нѣтъ дѣла до его сердца и душевныхъ мукъ. Онъ имѣеть всѣ основанія быть имъ недовольнымъ съ своей свѣтской, а не родительской точки зрењія: сынъ его не красивъ (такъ какъ имѣеть широкій носъ), неловокъ, мало дѣлаетъ успѣховъ въ свѣтѣ, сосредоточенъ, осрамился въ мазуркѣ...

Но вотъ не стало и матери: любящая до конца женщина унесла съ собою въ могилу тайну своей разбитой жизни! Незадолго до кончины ея «папа» увѣрилъ ее, что дѣтей нужно везти въ Москву, дабы они могли «привыкать къ свѣту», а ей одной, съ глупой гувернанткой, оставаться въ деревнѣ,— и она повѣрила, какъ вѣрила ему во всемъ, что онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ. На самомъ дѣлѣ эта отъ переѣздѣ бывть просто на руку отцу, чтобы ему жить здѣсь одному, шляться по клубамъ, по обѣдамъ и Богъ знаетъ что дѣлать... Смерть жены теперь окончательно развязывала ему руки. Оставшись теперь уже совсѣмъ сиротою, безъ всякой поддержки, гр. Толстой, устами своего героя, самъ говорить, какъ «чѣмъ дальше подвигается онъ въ описаніи этой поры его жизни, тѣмъ тѣжелѣ и труднѣе становится оно ему».

Рѣдко, рѣдко между воспоминаніями объ этомъ времени находить сіль минуты истиннаго теплаго чувства, которое такъ ярко освѣщало и согрѣвало начало его жизни... Бѣдное, любящее сердце ребенка не остывшее еще отъ материнскихъ ласкъ, оторванное отъ источника своего и не получая пищи извнѣ, кромѣ холоднаго или грубаго обращенія и уколовъ самолюбію, платило тою же монетою: герой нашъ спрягался *въ себя*. За то вѣнчая «шлифовка» дѣлала свое дѣло: онъ любилъ своего доброго «дядьку», нѣмца Карла Ивановича, и находилъ даже его, въ его срмолкѣ, кра-